

Недавно на страницах «ЛГ» прошла дискуссия о проблемах сатиры и юмора. В ней приняли участие признанные мастера веселого цеха. Дискуссия заинтересовала читателей, о чем свидетельствовала обильная почта. Захотели высказать свое мнение о проблемах сатиры и юмора и писатели, работающие в других жанрах. С ними беседует специальный корреспондент «ЛГ» В. Климов.

Литературная газ. Женя, 1983, №36

— Виктор Сергеевич, когда вы впервые столкнулись в вашей жизни со смешными или веселыми ситуациями?..

— Наверное, в младенчестве... Дети смеются всегда очень заразительно и по всяким милым пустякам. Я думаю, что был нормальным ребенком и смех в столь юном возрасте меня не миновал...

А почему смеялся, над чем именно — это вопрос сложный. Почему смеется ребенок своим беззубым маленьким ртишком? Этого, смею надеяться, часто не знает никто, даже он сам... Так что, почему я смеялся полугодовалым младенцем впервые в жизни — извините, запомнил... А вы-то сами помните?..

— Вместо ответа я сильно облегчу вам задачу... Какой смешной эпизод из вашей жизни вам запомнился самым первым?..

— Ну, я был тогда уже достаточно взрослым человеком...

Превосходный актер Михаил Астангов совершенно великолепно и очень смешно играл Керенского в пьесе Александра Корнейчука «Правда». Зал умирал от хохота. Мы вдвоем с Вурсом, ставшим позднее главным режиссером Театра-студии киноактера, были партнера-

## СМЕЯТЬСЯ, ПРАВО, НЕ ГРЕШНО...

ми Астангова по сцене, играли двух журналистов, которые брали у него интервью. Мы еле-еле доигрывали сцену до конца, а потом, отыграв, едва успевали выбежать за кулисы и начинали долго и глухо хохотать — так это было здорово сыграно... Не случайно Всеволод Мейерхольд, видевший этот спектакль, считал игру Астангова главной удачей в спектакле...

Астангов всегда стремился к трагическим ролям, но, по существу, это был яркий характерный, острокомический актер...

В другом эпизоде — тоже театральном смехе. В той же корнейчуковской «Правде» есть сцена, когда два героя, Кузьма и Тарас, знакомясь, называют друг друга свои имена. Од-

нажды актер, игравший Тараса, перепутав, представил своему партнеру Кузьмой. Повисла долгая пауза, которую нарушил настоящий Кузьма, воскликнув: «Нет, Кузьма — это я, а ты — Тарас... После этой реплики играть дальше было уже нельзя».

Вот такие забавные театральные истории я очень люблю... Я смешлив ужасно. Если на сцене происходит что-либо веселое — даже пустячное по содержанию, но остроумное, — я не могу удержаться от хохота...

Вообще смех очень часто сопутствует театру. Я видел однажды, как во МХАТе во время спектакля «Дядюшкин сон» такие великие, опытные актеры, как Ольга Леонардовна Книппер-Чехова и Нико-

## ТВОРЧЕСКАЯ МАСТЕРСКАЯ

лай Хмелев, чем-то так развеселились, что пришлось даже дать занавес...

Виктор РОЗОВ

Грильпарцер, — разница между жизнью и искусством такая же, как между виноградом и вином. Недавно из книги Александра Гладкова я узнал, что эту же формулу очень любил и часто повторял Всеволод Мейерхольд...

Вероятно, смех в искусстве должен быть гораздо более содержательным, чем это позволительно в жизни.

— В каких случаях вы прибегаете в вашей литературной практике к юмору, иронии, сатире?..

— Мне часто говорят, что в моих пьесах много смешного. Вероятно, это так. Но честное слово — этот юмор произволен. Я никогда не ставлю перед собой специальных «смеховых» задач... Но как-то так само собой случается. У меня всегда смешивается драматическое со смешным.

Сначала я считал, что это нечистота жанра, недопустимое нарушение канонов, литературных правил. Но потом я себе нашел оправдание. Я себя подкрепил оправдывающей смешные формулой: как в жизни... При этом я терпеть не могу в серьезной проблемной литературе хохмочек, ухмылок, намеков, рассчатанных на мгновенный отклик зрительного зала, который легко реагирует на невзначай брошенный афоризм... Если такие хохмы проскальзывают у меня, даже самые прекрасные, — я их тут же безжалостно выма-

рываю, стараюсь от них освободиться... Мне не нужны эстрадного толка аплодисменты. Я — за юмор органичный, за иронию естественную...

— Человек с годами, как известно, меняется. Вероятно, изменилось и ваше представление о смешном?..

— Ничего подобного... Все осталось неизменным. Как и в детстве, я по-прежнему люблю комедии, если в них есть хоть что-нибудь смешное.

Я очень люблю пьесы и фильмы Эльдара Рязанова и Эмиля Брагинского, особенно их «Берегись автомобиля», «Иронию судьбы...».

По-прежнему, как и в раннем детстве, мой любимый актер Чарли Чаплин. Я и сейчас, как и много лет назад, восхищаюсь его мастерством, его трюками, его фантазией.

Кстати, диапазон смеха громаден. Это подтверждают и ранние комедии Чаплина, и его поздние фильмы, начавшиеся остроумием более тяжелого удельного веса.

Среди моих самых больших привязанностей, и тоже уже очень многолетних, — замечательный актер Китон. Я не устаю восхищаться серьезностью его лица и комичностью его положения и поведения...

Приветствую все виды искусств, вызывающие смех, — сатиру, юмор, гротеск, клоунаду, буффонаду. Они очищают нравы, а кому надо, прочищают мозги...

Андрей Битов

Андрей БИТОВ

Литературная газета, 1983, №36

## ЮХВАЛЬНОЕ СЛОВО ЧУДАКАМ...

— Что вы думаете о роли юмора, иронии в литературе? О степени их необходимости...

— Самая высокая литература достигает множества поворотов и оттенков жизни без иронии, одною мощью, гением. Однако в произведениях, где автор участвует непосредственно — как лирический герой или персонаж, — ирония необходима, иначе мы и читать не станем, задавшись правомерным вопросом: «А ты кто такой?» Стерновская традиция кажется мне наилучшей при всяком писании «от себя».

Совсем обязательно «смешить» читателя в литературе. Как и в жизни, в литературе чувство юмора есть грань интеллектуальной нормы, а не собственно шутка. От избытка серьезности или от недостатка чувства юмора может пострадать даже такой сильный писатель, как Хемингуэй. Чехов — вот образец утраченного чувства юмора в самых серьезных своих вещах, когда он давно уже отказался от намерения «просто смешить», хотя, будучи Антошей Чехонте, очень даже умел это делать.

— Юмор и ирония в жизни и в литературе... Что это такое? Хотелось бы услышать от вас монолог на эту тему...

— Юмор очень быстро стареет. Катастрофически стареют анекдоты. Пересказанный по цепочке три-четыре раза анекдот уже не смешит. Юмор как чистая шутка остается в своем времени, а нам достается как свидетельство, во многом лишь историческое.

Конечно, природа юмора в жизни, в литературе очень различна. Люди блестящего жизненного юмора, блещущие остроумием, лишившись спонтанности, импровизации, на бумаге утрачивают свой дар.

Ирония — более долговечное, менее временное явление. Потому что и в устной речи она уже литературна. Исключениями являются писатели, пытавшиеся соединить собой смех в жизни и смех в литературе. Например, Даниил Хармс. Он начинался как характер. Он был искателем в жизни и творил свое иронически-юмористическое искусство в жизни, и на бумаге по одним законам. Таков и ленинградец Виктор Голыкин. Сначала было чудачество в жизни, а потом он перенес свой характер в прозу. Особый (и редкий) способ слияния искусства с жизнью, с явным преобладанием искусства.

Большие же писатели — это в основном очень

увеличенные нормальные люди и лишь потому могут считаться чудачками. Вообще, органическое чудачество (типа Д. Хармса, В. Голякина), кажется, нам в России не свойственно — ни ее читателям, ни ее писателям.

— Раз мы заговорили о чудачках, может быть, поговорим о них более подробно?..

— Чудачество можно поделить на два противоположных лагеря — на юродивость и на шутство, скоморошество. За юродивость на Руси всегда жалели. А за скоморошество — били...

И то, и другое — грани общественной свободы, крайности ее проявления. Они выпадают из структуры общественных отношений. Первые жалеют за убогость, и эта жалость сама по себе возвышает человека в собственных глазах.

Скоморохи, шуты — иное. В жалости они не нуждаются. С чувством превосходства пародируют нас, вроде как бакули бьют, да еще чего-то о себе думают. Рожи строят, насмешничают — как тут не побить.

— Юмор, ирония и в жизни, и в литературе легко узнаваемы. А как быть с гротеском? Могут ли быть в жизни гротескные ситуации? Например, ведь гоголевский Нос явно не может в жизни сбегать от хозяина?..

— Нос не может сбегать от хозяина, но любой человек может подумать, что от него сбегал нос...

Мне гротеск в литературе никогда не удавал-

ся. У меня и тяги к нему поэтому нет. С гротеском в жизни я сталкивался гораздо чаще, чем о том написал. Бывает грустно, когда видишь, какой материал остается невоплощенным.

Литературный гротеск и жизненный — различной природы. Набрать в жизни гротесков, суммировать их, затирая читающую публику, — дело нехитрое. Беда в том, что они останутся не преображенными в искусство. Станут разве что доказательством смелости, но не фактом литературы...

Гоголь и Салтыков-Щедрин... Первый рождает гротеск как форму своего видения, второй — при всем своем величии — лишь суммировал жизненные гротески. Такое отражение не всегда бывает прочным, и тот факт, что щедринские вещи оказались столь долговечными, свидетельствует о долговечности отраженных им ситуаций.

Любые споры о том, что можно и что нельзя в литературе, во многом упираются в вопрос: а литература ли это?.. Вернемся в этом смысле к отношению к чудачкам, к юродивым... Чудачка тоже могут побить за голью смелость, которая не будет искусством, когда он захочет назвать все до конца своими именами. Вызвал своим эпатажем реакцию (и к стати, гротескную), такой чудак получит восторг в лоб: а ты кто такой, я тоже это знаю, но говорить о том не позволено...

— Должен ли писатель с юмором, с иронией относиться к своему труду? Или это дело, призвание сугубо серьезное?..

— Юмор, ирония — показатель здоровой психики для человека вообще, не только писа-

теля. Психика человека отнюдь не самая мощная вещь. Она есть наиболее человеческая его вещь. Обольщенный возможностями разума человек может оказаться загипнотизированным непреложностью своего понимания, слишком увлечен своим идеями, посчитав их абсолютными. Тогда его неизбежно ждет ломка, катаклизм, драма. То чувство (шесть? седьмое?), которое вмещает в себя юмор и иронию, помогает не забывать, что жизнь все время шире, неожиданнее наших смысловых решений, наших знаний и мнений о ней. Ободренные кажущейся точностью своей мысли или идеи, мы легко обрубам веточку, изгибаем живую жизнь. А она до некоторой степени сама по себе, независима от нас... Она слишком разнообразна и многосмысленна, чтобы входить в нее с единственным решением да еще всеобщности. Как же мы тогда смешны рядом с жизнью!

Если хотите, это экологическая проблема. Сейчас все природное и все в природе под угрозой разрушения и нуждается в защите. А разве психика не та же природа? Люди с чувством самоиронии и юмора осуществляют охрану своей, а иногда и чужой психики. Это чувство позволяет человеку восстанавливаться, обновляться, очищаться от скверны довольства и удовлетворения собою как «венцом творения»...

Писатели, как известно, тоже люди, которые, правда, не только живут, но и пишут. Писательство было бы вполне здоровой профессией, если бы писать и жить было бы единым состоянием, но это мучительно разные состояния. Особенно для писателя, имеющего превышенные

представления о своем деле. Литература — дело хоть и очень серьезное, но очень естественное. И то, что этим делом занимаюсь, допустим, именно «я», факт отнюдь не всеобщего значения. Фактом всеобщего значения может стать лишь то, что писатель сделает, а не он сам. Самоирония «осаживает» вознесшегося автора, возвращает к людям — ставит на место. Это средство от многих писательских недугов — от страха поражения, жажды вторичного успеха и вчерашней победы, от автоэпигонства. Быть признанным гением в молодости, может, даже и полезно: «возникать» трудно, завлечь к себе некому — нужна дополнительная, хотя бы и бессмысленная энергия. Если не научишься смеяться, сам станешь смешным — участь досадная и обидная. Таким образом, чувство юмора и самоиронии есть непременное условие развития каждого писателя, особенно так называемого «серьезного». Страшно даже вслух произнести, каким титанам литературы этого чувства порой не хватало! Очень уж тонка грань понимания «высокости» писательского дела... Легкомысленно отнесешься — нигде не годится, но и чересчур всерьез — неважно получится. Как бы так... Иметь высокое представление о писательском назначении и легкое — к тому, что сделано, к себе самому?..

— Каких юмористически-иронических писателей вы предпочитаете?

— Таких писателей по жанру все-таки нет. Есть любимые Стерн, Гоголь, Зошенко... А еще и Диккенс, и Достоевский, очень ироничный писа-

ЭХО ДИСКУССИИ